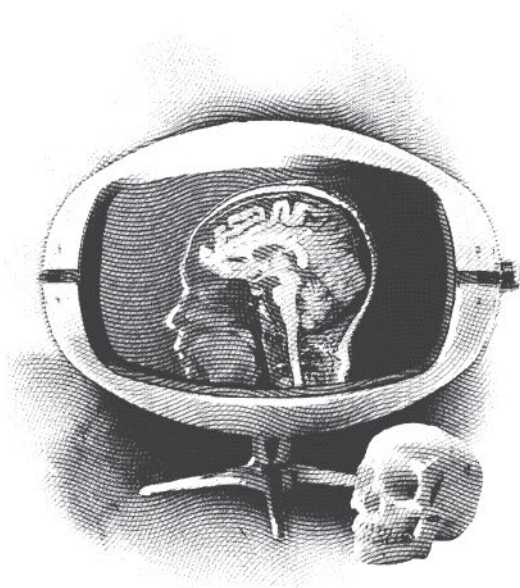

ИЛЛЯ
ВАРШАВСКИЙ

**Тревожных
симптомов нет**

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
В 18

Серийное оформление *Вадима Пожидаева*
Иллюстрация на обложке *Владимира Гусакова*
Составитель *Александр Жикаренцев*

Варшавский И., Гансовский С.

В 18 Тревожных симптомов нет : повесть, рассказы / Илья Варшавский ; День гнева : повести, рассказы / Север Гансовский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 992 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-14091-2

В истории отечественной фантастики немало звездных имен. Но среди них есть несколько, сияющих особенно ярко. Илья Варшавский и Север Гансовский несомненно из их числа. Они оба пришли в фантастику в начале 1960-х, в пору ее расцвета и особого интереса читателей к этому литературному направлению. Мудрость рассказов Ильи Варшавского, мастерство, отточенность, юмор, присущие его литературному голосу, мгновенно покорили читателей и вывели писателя из круга братьев по цеху. Все сказанное о Варшавском в полной мере присуще и фантастике Севера Гансовского, ну разве он чуть пожестче и стиль у него иной. Но писатели и должны быть разными, только за счет творческой индивидуальности, самобытности можно достичь успехов в литературе.

- © И. Варшавский (наследник), 2018
- © С. Гансовский (наследник), 2018
- © А. Жикаренцев, состав, 2018
- © Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018. Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-14091-2

Литературно-художественное издание

ИЛЬЯ ВАРШАВСКИЙ
ТРЕВОЖНЫХ СИМПТОМОВ НЕТ
СЕВЕР ГАНСОВСКИЙ
ДЕНЬ ГНЕВА

Ответственный редактор *Александр Етоев*. Художественный редактор *Владимир Гусаков*.
Технический редактор *Татьяна Раткевич*. Компьютерная верстка *Ирины Варламовой*.
Корректоры *Валерий Камендо, Елена Шнитникова, Анастасия Келле-Пелле, Наталья Хуторная*. Главный редактор *Александр Жикаренцев*

Подписано в печать 21.12.2017. Формат издания 60 × 90 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 62. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“» 04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

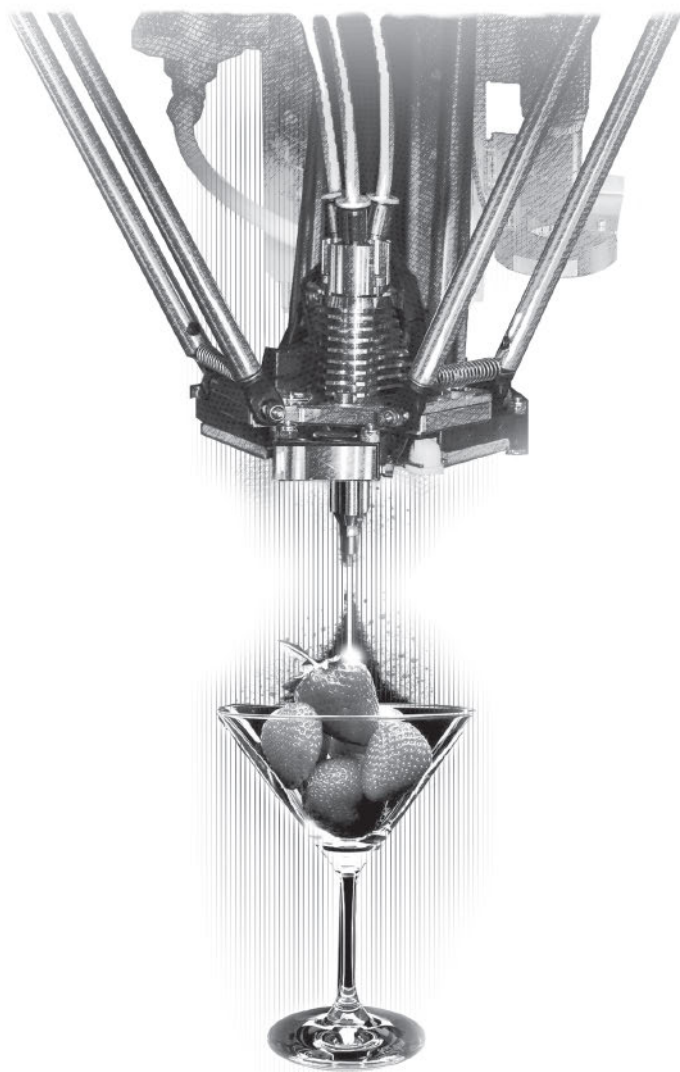
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

H-MFF-22305-01-R

Молекулярное кафе

Рассказы и повесть

НАЗИДАНИЕ ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ, ОТ НАЧИНАЮЩИХ ДО МАСТИТЫХ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

(Юмореска)

Трудно перечислить все богатство тем современной фантастики. Тут и разумные растения, и разговаривающие животные, и многое другое, что хорошо известно психиатрам, изучающим тяжелые формы заболевания паранойей.

Количество поклонников научно-фантастической литературы неуклонно растет. Наряду с футбольными болельщиками они представляют собой интеллектуальный цвет населения нашей планеты.

Поэтому фантастику не зря называют «литературой века».

К сожалению, отсутствие теории фантастики значительно снижает продуктивность авторов, работающих в этом жанре, и лишает критиков возможности пользоваться объективными методами оценок.

Прежде чем будет создана всеобъемлющая теория, необходимо систематизировать основные тенденции развития фантастики и хотя бы вчерне наметить научные критерии для определения качества готовых произведений.

а) Выбор имен

Имена героев должны соответствовать их характерам. Если действие происходит в далеком будущем или в иной галактике, то положительным героям дают хорошие имена: Ум, Смел, Дар, Добр, Нега и т. п. (для выбора женских имен могут быть также с успехом использованы названия стиральных порошков).

Отрицательным героям присваиваются имена вроде Смрад, Мрак, Худ, Боль, Вонь. Однако не следует даже самым мерзким дамам давать имена, использующиеся в бранном смысле, так как эти слова могут встречаться в лексиконе ученых, особенно молодых, что создает при чтении известную семантическую неопределенность.

Представителям переходных цивилизаций, могущих еще стать на правильный путь, имена даются методом гильотинирования. Например, в словаре отыскиваются два самых обычных слова, скажем «стул» и «гравий». Отсекая первые буквы, можно назвать героя Тул Равий. Просто и элегантно!

б) Место действия

Космос — основное пастбище фантастов. Однако использовать его можно только в гуманных целях. Дабы при этом не был потерян элемент занимательности, на отлично вооруженных землян возлагаются высокие функции носителей человеческой морали, утверждаемой при помощи лучевого оружия, аннигиляционных бомб и разрушения пространства. По отношению к особо зловредным существам, жующим звездную плазму, как студень, допускаются и более крутые меры убеждения.

Фантаст вправе рисовать самые мрачные картины, лишь бы герой сокрушенно покачивал головой и произносил длинные тирады о том, что на его родной Земле подобные безобразия уже невозможны. Это называется внесение позитивного элемента в негативную тематику. Часто герой такого рода плохо вооружен и потихоньку смывается с мерзкой планеты, не испытывая при этом никаких угрызений совести. Он выполнил свою задачу, показав читателю, как плохо было бы, если... и так далее.

Во избежание упреков в шаткости позиций автору рекомендуется варьировать обе темы в разных произведениях. Так, например, если в предыдущем он ратовал за полное невмешательство в чужие дела, то в последующем нужно как следует разгромить инопланетчиков всеми подручными средствами, включая шпионаж, диверсию и оружие массового уничтожения.

Ни в одном из этих вариантов не следует приводить сюжет к счастливой развязке, так как это лишает автора возможности написать продолжение. Лучше всего намекнуть, что все придет к счастливому концу, когда рак свистнет. Такая формула устраивает всех. Оптимистов — потому, что основной акцент делается на неизбежность хорошего конца, пессимистов же — оттого, что они знают цену ракам, знакомы с особенностями их передвижения и даже догадываются, где эти раки зимуют.

в) Время действия и связанные с этим проблемы

Фантасты обычно избегают забираться в прошлое, так как это требует знания истории, хотя бы в объеме средней школы. Поэтому помыслы писателя чаще заняты будущим.

Здесь, как правило, земные проблемы ограничены только внешним антуражем, основное же действие происходит где-нибудь в иных галактиках.

Однако и в отношении этого антуража нет единства мнений.

Как и кем будет управляться наша планета? Некоторые считают, что знание высшей математики само по себе служит залогом высокой государственной мудрости. Вряд ли можно целиком принять эту точку зрения. Спросите, что думает жена любого ученого о практической смекалке своего мужа, и вам станет понятным, чего стоит всемирное правительство, состоящее из одних профессоров и академиков. Поэтому фантасты больше склонны сваливать все государственные заботы на электронные машины. Тогда человечество освобождается от бремени принятия каких-либо решений и может посвятить себя целиком космическим полетам, играм и пляскам.

Огромное значение придается облагораживающему влиянию искусства, в частности музыки.

Правда, проведенное нами обследование знакомых пока не выявило существенных различий в моральном облике обладателей абонементов филармонии и ненавистников симфонических концертов.

Перечисленными проблемами в основном исчерпываются футурологические поиски фантастов, если не считать, что на смену автомобилю придет «мобиль», театр заменится «хеатром», на всех видах транспорта внедрится антигравитационная тяга, а домашнюю работу будут поручать киберам.

г) Научные гипотезы

Научно-фантастическая литература отличается от научно-популярной узаконенным правом опровергать основные законы естествознания.

Совершенно обязательным является опровержение Первого и Второго начал термодинамики. (О существовании Третьего начала автор может и не знать.)

Фантасту дается право доказывать или просто декларировать возможность передвигаться со скоростью, превышающей скорость света, добывать энергию из материи в количествах, превышающих соотношение Эйнштейна, свертывать пространство при помощи мысленных усилий и создавать поля, наименования кото-

рых невозможно расшифровать даже при помощи словаря иностранных слов.

То обстоятельство, что предпосылкой к этому служит полный крах всей современной науки, никого не смущает, поскольку мы имеем дело с научной фантастикой, детищем научного прогресса.

Делались попытки сгладить явный триумф победы воображения над законами природы, вводя в текст рассказа дифференциальные уравнения в частных производных — прием явно некорректный и по отношению к собратям по перу, и к читателям. С подобными тенденциями показывать свою образованность в фантастике следует бороться самым решительным образом.

д) Дельфины

Противники научной фантастики часто заявляют, что она уже исчерпала тематику и существует за счет многократного пережевывания одного и того же. То, что эта точка зрения лишена всякого основания, видно хотя бы из примера вторжения дельфинов в фантастические произведения.

На протяжении всей своей истории человечество сосуществовало с дельфинами, но только недавно, когда они были уже почти истреблены, ученые обнаружили, что отношение веса мозга к весу тела у этих животных выше, чем у человека. Это породило множество догадок о духовном мире зубатых китов и, в частности, афалин.

Если систематизировать все, что появляется в печати о дельфинах, то можно с достаточной степенью достоверности утверждать, что...

Во-первых, дельфины любят людей. Хотя любовь трудно оценивать по какой-либо абсолютной или относительной шкале, все же есть основания считать, что нежные чувства дельфина к человеку несколько слабее, чем у собаки, и несколько сильнее, чем у свиньи.

Во-вторых, дельфины легко дрессируются. Кажется, ненамного хуже морских львов (так как последние обладают меньшим объемом мозга, чем дельфины, то их способности не представляют интереса ни для науки, ни для фантастики).

В-третьих, они разговаривают друг с другом при помощи свиста. Видимо, язык дельфинов по богатству понятий и красочности образов не уступает языку певчих птиц. Однако этот вопрос под-

лежит уточнению, так как еще никем не составлены ни дельфины, ни птичьи словари.

К сожалению, это почти все, что можно сказать в пользу дельфинов. Конечно, по сравнению с прирученными медведями, разъезжающими в модных брюках на мотоциклах, достижения дельфинов кажутся более чем скромными, но фантастам нужно развивать дельфинью тематику, иначе к чему же такой мощный мозг, каким их наградила природа? (Опять-таки здесь имеются в виду дельфины.)

е) Чудовища

Читатель любит все необычное. Чем больше чудищ встречается в тексте, тем лучше.

В настоящее время уже использованы все мифологические персонажи: кентавры, драконы, пегасы, циклопы и даже ангелы, простые и шестикрылые.

Изготовление чудовищ для фантастических произведений может быть осуществлено методом массового производства. Существуют два способа.

Гибридизация. В этом случае создается гибрид самых отдаленных представителей фауны и флоры. Розовый куст с тигриными головами вместо бутонов, девушка с телом змеи, летающие медузы, помесь паука с коршуном. Чем неожиданнее совмещение свойств в таком гибриде, тем выше эмоциональное воздействие на читателя.

Изменение масштабов. Один из самых простых и действенных способов, не требующий особых пояснений. Клоп величиною с лошадь или динозавр, уместающийся в спичечной коробке, открывают неисчерпаемые возможности для создания динамичного, захватывающего сюжета.

Вот, по существу, все основные правила композиции фантастических произведений. Следует лишь добавить, что огромная работа, уже проделанная по систематизации фантастических идей, значительно облегчает писателям выбор темы. Вы всегда можете взять наугад несколько идей и совместить их. Количество возможных сочетаний при этом настолько велико, что хватит еще на несколько поколений фантастов.

ВСЁ ПО ПРАВИЛАМ

*(Рассказ, смоделированный по современным образцам
ультракосмической фантастики в назидание пишущим
и читающим)*

Бугров открыл глаза и почувствовал страх. Где-то рядом была опасность, но где именно — сообразить мешали головокружение и тошнота.

Он лежал в скафандре без шлема, уткнувшись носом в гравий, и боялся поднять голову.

Пять лет в Космической академии не проходят зря. «Если вы попали в необычную обстановку, постарайтесь разобраться в ней, прежде чем сделать первое движение». Бугров пытался разобраться. Для того чтобы понять, где ты, не обязательно двигаться. Можно скосить глаза направо, налево и вверх, тогда окружающее тебя пространство немного расширится.

Итак, впереди гряда валунов. Перед ней — каменистая почва с какими-то растениями, похожими на кактусы. Слева — тот же гравий. Справа — лучемер со спущенным предохранителем. Больше ничего разглядеть не удастся. Нестерпимо болит голова. Если бы не эта боль да мерзкий запах, которым пропитана почва, думать было бы легче. Ощущение неотвратимой опасности не проходило. Бугров старался вспомнить, как он сюда попал, но вспомнить не мог.

Почему спущен предохранитель на лучемере? На этот вопрос тоже не находилось ответа.

«Странно! — подумал он. — Очень странно».

Эта мысль вызвала цепь неожиданных ассоциаций. Странные планеты. Семь странных планет. Поисковый звездолет «Добрыня Никитич». Так-так-так! Стажер Бугров. Семь странных планет и звездолет «Добрыня Никитич». Почему странные планеты? Все с атмосферой. На одной из них обнаружены мхи и лишайники. Сенсация космических масштабов. Впервые найдены признаки жизни. Мхи и лишайники. Это было на первой планете. Впрочем, не только мхи и лишайники. Там побывал второй штурман.

Теперь он лежит в изоляторе, а врач проводит опыты на белых мышках. Два поколения белых мышей и поиски сыворотки. Это было на первой планете. А на второй? На вторую никто не спустился. Запрет. Бесчувственное тело в изоляторе и два поколения белых мышей. Корабли, несущие непобежденную инфекцию, не возвращаются в Солнечную систему. Неписаное правило, которое установили сами космонавты. Командир «Добрыни Никитича» может не торопиться. Два поколения белых мышей да еще общий карантин. Сколько это времени на постоянной орбите? Невозможно сосчитать.

Ну, допустим. Что же дальше? «Стажер Бугров! Облет второй планеты в капсуле для гравиметрических измерений!» Правильно! В районе экватора ему удалось обнаружить занятую аномалию. При переходе на круговую орбиту что-то случилось. Неверно понял переданную команду. Аварийная посадка в скалах. Капсула — вдребезги. Беспамятство. Спас шлем, треснул пополам, даже не пришлось делать анализа атмосферы. Дыши чем придется. В общем, ничего, дышать можно, хотя тошнит и кружится голова. Может, это от удара? Нет, уж больно тут гнусно пахнет.

Похоже, что все так и было. Что же еще? Рации нет — разбита, починить невозможно. Взял ракетницу, продовольственный пакет, лучемер и флягу. Пошел искать место для посадки спасательного отсека где-нибудь на равнине, благо есть сигнальные ракеты. Спускался вниз, полз по скалам. Вышел в болото. По пояс вонючей жижи. Красный туман. Наконец набрел на сухое место, и тут... Фу, дьявол! Как же я мог забыть?!

Бугров вспомнил странное, похожее на паука существо, передвигающееся прыжками с валуна на валун, и непроизвольно втянул голову в плечи, потому что воспоминание это было странным и нелепым. В одной из лап это существо держало что-то смахивающее на допотопный автомат с большим патронным диском. Они одновременно заметили друг друга и бросились ничком на острые камни. Вот тогда-то, очевидно, Бугров и спустил предохранитель у лучемера. Хорошо еще, что не выстрелил с перепуга. Потом он потерял сознание, а тот, другой, наверное, терпеливо выжидал, спрятавшись за валунами.

Космические контакты. Сколько статей, диссертаций, кафедр, лабораторий? Было все, кроме самих контактов. Чем глубже в космос, тем меньше осталось надежд. Скептики посмеиваются. Даже

юмористические журналы потеряли интерес к этой теме. И все же работа продолжалась. Заведующий кафедрой космических контактов профессор Сурвилло всегда начинал первую лекцию так: «Разумным может считаться любое существо, которое предвидит последствия своих поступков». Дальше шли сто двадцать шесть правил поведения при встрече с инопланетными цивилизациями. Их нужно было знать назубок. На экзаменах профессор был беспощаден.

Ладно, правила правилами, а нужно что-то предпринимать. Не лежать же век, уткнувшись носом в гравий. Действовать осторожно. Раньше всего посмотрим, что вокруг.

Бугров повернулся на левый бок. Метрах в десяти от места, где он лежал, равнина переходила в гряду скал, окутанных клубами розового тумана. Обзор, который он провел на правом боку, особого разнообразия в обстановку не внес. Каменистая почва с теми же растениями и пенящееся болото. Дальше те же скалы. Пейзажик не из приятных, но страшного ничего нет. Ну что ж, попробуем наладить контакт с аборигенами.

Он подполз к большому валу и, присев на корточки, поднял вверх сцепленные руки — символ мира и доброжелательства.

В ответ раздался одиночный выстрел.

Бугров не услышал удара пули. Видимо, оружие было недостаточно дальнобойным. Впрочем, не обязательно, чтобы на этой планете стреляли такими же пулями, как некогда на Земле. Черт его знает, чем они еще могут палить.

Так... «Разумным может считаться любое существо, которое предвидит последствия своих поступков». Только теперь Бугров почувствовал весь безнадежный академизм этого постулата. Существо, стреляющее по живой мишени, явно предвидит результат своих поступков, тогда как он, Бугров, представитель высокоразвитой цивилизации, последствия своих поступков в подобной ситуации предвидеть не может.

Итак, будем пробовать дальше. Постараемся показать, что и мы не лыком шиты, однако агрессивных намерений не питаем.

Бугров достал из кармана ракетницу и выпустил в небо заряд, рассыпавшийся ослепительными звездами, красными и голубыми.

— Ну, что вы скажете по этому поводу?

По этому поводу раздалась три выстрела, один за другим.

Бугров выругался. У него даже мелькнуло желание садануть из лучемета по той куче валунов. Но этого делать было нельзя. Тут

он представлял последствия своего поступка. Оставалось только ждать, пока воинственный туземец не свыкнется с его присутствием.

Он снова попытался восстановить всю цепь воспоминаний. Все было правильно, только одно обстоятельство его смущало. В памяти совершенно отчетливо вставали события последних дней на «Добрыне Никитиче», множество мелочей из жизни на Земле, товарищи по академии, профессора, знакомые, тренировочные полеты, но где-то в этих воспоминаниях был невосполнимый пробел. Он не мог вспомнить старта корабля с Земли и даже готов был поклясться, что в самом названии его было что-то совершенно незнакомое. Не было такого звездолета в реестре «Космического вестника», не было, и все тут, хоть умри! Какой-то странный вид амнезии. «Когда вам что-нибудь неясно, остерегайтесь необдуманных поступков». К сожалению, неясным было очень многое. Значит, нужно тщательно обдумывать поступки.

Он принялся, как четки, перебирать воспоминания, но в голову лезло то, что к делу не относилось. Синеглазая, с надменным ртом ассистентка кафедры космических контактов. Однако в той ситуации, в которой он находился сейчас, ассистентка была лишней. Вступительные экзамены в академию. Опять не то. Школьные годы, детство, проведенное в интернате, — все это сейчас несущественно. Что же именно нужно вспомнить?

Его снова охватил приступ тошноты и головокружения. Только не потерять сознание, иначе...

Видимо, какое-то время он все же пролежал в беспомощности, потому что, когда открыл глаза, тень, отбрасываемая большим камнем, несколько переместилась вправо.

Бугрову казалось, что омерзительный запах, от которого переворачивало внутренности, исходит от похожих на кактусы растений. Одно из них торчало у него прямо под носом. Он дотянулся до него рукой и дернул вверх. Неожиданно оно рассыпалось в перчатке на мелкие кусочки. Бугров поднес перчатку к лицу и ахнул. Это был просто плохо затвердевший гипс, халтурная работа дилетанта.

Сразу все стало на свои места. Просто удивительно, как он раньше не мог догадаться. Ведь кто-кто, а он-то должен был знать эти фокусы профессора Сурвилло.

Год назад, роясь в библиотеке, Бугров напал на одну из ранних работ Сурвилло. Сетуя на невозможность исследования пове-

дения курсантов при встрече с инопланетными цивилизациями, профессор предложил оригинальный метод: в состоянии глубокого гипноза курсанту показывали фильм, демонстрирующий посадку на незнакомую планету, а потом, поместив в тренажер, испытывали его способности при встрече с телеуправляемой куклой. Затем все воспоминания о пережитом стирались опять в гипнозе. Поэтому никто из подвергавшихся испытаниям не мог ничего разболтать.

Теперь понятно, откуда эти провалы в памяти. Их не могло не быть на стыке действительности и гипнотического внушения. Тут-то вы и промахнулись, товарищ профессор! Экономили пленку и не засняли старт. Думали, и так сойдет, а на поверку вышло не то. И фантазии у вас хватило только на какого-то паука с вульгарным автоматом. Ясно, почему он стреляет холостыми патронами.

Теперь уже смело Бугров оглянулся по сторонам. Где-то за этими камуфляжными горами должны быть спрятаны объективы телекамер, передающих в экзаменационную каждое его движение. Ловко! Потом при просмотре видеозаписей профессор скажет: «Что же вы, батенька, посланец гуманоидной планеты, элементарного контакта не сумели осуществить? Плохо, очень плохо!»

Ну нет, дудки! Сейчас, уважаемые экзаменаторы, начнется цирк по всей форме! Курсант Бугров идет на пятерку!

Он с трудом подавил смешок. Перед объективами телекамер таких вещей делать нельзя. Пусть думают, что он всю игру принимает всерьез.

Итак, сто двадцать шесть правил. Однако каждое из них требует какой-то оснастки. У Бугрова не было ни набора геометрических фигур, ни магнитофона с записью симфоний Чайковского, ни лингвистического анализатора. Ну что ж, попробуем проявить смекалку. Он сгреб к себе кучу камней и отобрал десять одинаковых. Затем бросил кукле сначала три, потом еще два, а спустя некоторое время — пять. Пришельцу ясны правила сложения, а это уже кое-что да значит!

В ответ раздался выстрел.

Плохо! Очень плохо. Наверняка полбалла скинули. Нужно было начинать не с этого. Попробуем объясниться на пальцах.

Бугров показал кукле три пальца, два пальца, а потом и всю пятерню.

На этот раз выстрела не было.

Отлично! Теперь можно внести в игру некоторый элемент юмора. Не важно, что нет магнитофона. Споем!

— Не счесть алмазов в каменных пещерах! — запел он слегка дребезжащим тенором.

Экзаменаторы дали ему закончить всю арию, не прерывая ее пальбой.

Тоже неплохо! Что же дальше?

Что делать дальше — Бугров сообразить не мог. Он представил себе устремленные на экран выжидающие глаза Сурвилло, презрительную усмешку ассистентки и разозлился.

«Ах так, ну ладно!»

Он встал во весь рост, театральным жестом отбросил луче­мет и с поднятыми руками пошел вперед.

Он и впрямь казался себе героем.

Потев в неудобном скафандре, высоко подняв голову, он шел навстречу опасности, и кровь, пульсирующая в ушах, выстукивала марш гладиаторов...

От внезапно вспыхнувшей боли в левом плече его рука шлепнулась вниз, как тряпка.

— Что они там, с ума посходили?

Вторая пуля попала в ногу, и, упав на колени, он стукнулся лбом о камень.

— Неужели действительно?..

Ему бы так и не удалось решить этот вопрос, если б стремительно спикировавший спасательный отсек с «Ильи Муромца» не принял правым бортом автоматную очередь, которую выпустило в Бугрова четырехрукое существо, передвигающееся на мохнатых лапах тарантула, существо, прекрасно отдающее себе отчет в последствиях своих поступков.

РОБИ

Несколько месяцев назад я праздновал свое пятидесятилетие.

После многих тостов, в которых превозносились мои достоинства и умалчивалось о свойственных мне недостатках, с бокалом в руке поднялся начальник лаборатории радиоэлектроники Стрекозов.

— А теперь, — сказал он, — юбиляра будет приветствовать самый молодой представитель нашей лаборатории.

Взоры присутствующих почему-то обратились к двери.

В наступившей тишине было слышно, как кто-то снаружи царапает дверь. Потом она открылась, и в комнату въехал робот.

Все зааплодировали.

— Этот робот, — продолжал Стрекозов, — принадлежит к разряду самообучающихся автоматов. Он работает не по заданной программе, а разрабатывает ее сам в соответствии с изменяющимися внешними условиями. В его памяти хранится больше тысячи слов, причем этот лексикон непрерывно пополняется. Он свободно читает печатный текст, может самостоятельно составлять фразы и понимает человеческую речь. Питается он от аккумуляторов, сам подзаряжая их от сети по мере надобности. Мы целый год работали над ним по вечерам, для того чтобы подарить его вам в день вашего юбилея. Его можно обучить выполнять любую работу. Поздоровайтесь, Роби, со своим новым хозяином, — сказал он, обращаясь к роботу.

Роби подъехал ко мне и после небольшой паузы сказал:

— Мне доставит удовольствие, если вы будете счастливы принять меня в члены вашей семьи.

Это было очень мило сказано, хотя мне показалось, что фраза составлена не очень правильно.

Все окружили Роби. Каждому хотелось получше его разглядеть.

— Невозможно допустить, — сказала теща, — чтобы он ходил по квартире голый. Я обязательно сошью ему халат.

Когда я проснулся на следующий день, Роби стоял у моей кровати, по-видимому ожидая распоряжений. Это было захватывающе интересно.

— Будьте добры, Роби, — сказал я, — почистить мне ботинки. Они в коридоре у двери.

— Как это делается? — спросил он.

— Очень просто. В шкафу вы найдете коричневую мазь и щетки. Намажьте ботинки мазью и натрите щеткой до появления блеска.

Роби послушно отправился в коридор.

Было очень любопытно, как он справится с первым поручением.

Когда я подошел к нему, он кончал намазывать на ботинки абрикосовое варенье, которое жена берегла для особого случая.

— Ох, Роби, — сказал я, — я забыл вас предупредить, что мазь для ботинок находится в нижней части шкафа. Вы взяли не ту банку.

— Положение тела в пространстве, — сказал он, невозмутимо наблюдая, как я пытался обтереть ботинки, — может быть задано тремя координатами в декартовой системе координат. Погрешность в задании координат не должна превышать размеров тела.

— Правильно, Роби. Я допустил ошибку.

— В качестве начала координат может быть выбрана любая точка пространства, в частности угол этой комнаты.

— Все понятно, Роби. Я учту это в будущем.

— Координаты тела могут быть также заданы в угловых мерах, при помощи азимута и высоты, — продолжал он бубнить.

— Ладно. Не будем об этом говорить.

— Допускаемая погрешность в рассматриваемом случае, учитывая соотношение размеров тела и длину радиус-вектора, не должна превышать двух тысячных радиана по азимуту и одной тысячной радиана по высоте.

— Довольно! Прекратите всякие разговоры на эту тему, — вспылил я.

Он действительно замолчал, но целый день двигался за мною по пятам и пытался объяснить жестами особенности перехода из прямоугольной в косоугольную систему координат.

Сказать по правде, я очень устал за этот день.

Уже на третий день я убедился в том, что Роби создан больше для интеллектуальной деятельности, чем для физической работы. Прозаическими делами он занимался очень неохотно.

В одном нужно отдать ему справедливость: считал он виртуозно.

Жена говорит, что если бы не его страсть подсчитывать все с точностью до тысячной доли копейки, помощь, которую он оказывает в подсчете расходов на хозяйство, была бы неопценимой.

Жена и теща уверены в том, что Роби обладает выдающимися математическими способностями. Мне же его знания кажутся очень поверхностными.

Однажды за чаем жена сказала:

— Роби, возьмите на кухне торт, разрежьте его на три части и подайте на стол.

— Это невозможно сделать, — сказал он после краткого раздумья.

— Почему?

— Единицу нельзя разделить на три. Частное от деления представляет собой периодическую дробь, которую невозможно вычислить с абсолютной точностью.

Жена беспомощно взглянула на меня.

— Кажется, Роби прав, — сказала теща, — я уже раньше слышала о чем-то подобном.

— Роби, — сказал я, — речь идет не об арифметическом делении единицы на три, а о делении геометрической фигуры на три равновеликие площади. Торт круглый, и если вы разделите окружность на три части и из точек деления проведете радиусы, то тем самым разделите торт на три равные части.

— Чепуха! — ответил он с явным раздражением. — Для того чтобы разделить окружность на три части, я должен знать ее длину, которая является произведением диаметра на иррациональное число «пи». Задача неразрешима, ибо в конечном счете представляет собою один из вариантов задачи о квадратуре круга.

— Совершенно верно! — поддержала его теща. — Мы это учили еще в гимназии. Наш учитель математики — мы все были в него влюблены — однажды, войдя в класс...

— Простите, я вас перебую, — снова вмешался я, — существует несколько способов деления окружности на три части, и если вы, Роби, пройдете со мной на кухню, то я готов показать вам, как это делается.

— Я не могу допустить, чтобы меня поучало существо, мыслительные процессы которого протекают с весьма ограниченной скоростью, — вызываяще ответил он.

Этого не выдержала даже моя жена. Она не любит, когда посторонние сомневаются в моих умственных способностях.

— Как не стыдно, Роби?!

— Не слышу, не слышу, не слышу, — затарахтел он, демонстративно выключая на себе тумблер блока акустических восприятий.

Первый наш конфликт начался с пустяка. Как-то за обедом я рассказал анекдот:

— Встречаются на пароходе два коммивояжера. «Куда вы едете?» — спрашивает первый. «В Одессу». — «Вы говорите, что едете в Одессу, для того, чтобы я думал, что вы едете не в Одессу, но вы же действительно едете в Одессу, зачем вы врете?»

Анекдот понравился.

— Повторите начальные условия, — раздался голос Роби.

Дважды рассказывать анекдот одним и тем же слушателям не очень приятно, но скрепя сердце я это сделал.

Роби молчал. Я знал, что он способен проделывать около тысячи логических операций в минуту, и понимал, какая титаническая работа выполняется им во время этой затянувшейся паузы.

— Задача абсурдная, — прервал он наконец молчание, — если он действительно едет в Одессу и говорит, что едет в Одессу, то он не лжет.

— Правильно, Роби. Но именно благодаря этой абсурдности анекдот кажется смешным.

— Любой абсурд смешон?

— Нет, не любой. Но именно здесь создалась такая ситуация, при которой абсурдность предположения кажется смешной.

— Существует ли алгоритм для нахождения таких ситуаций?
— Право, не знаю, Роби. Существует масса смешных анекдотов, но никто никогда не подходил к ним с такой меркой.

— Понимаю.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то взял меня за плечи и посадил в кровати. Передо мной стоял Роби.

— Что случилось? — спросил я, протирая глаза.

— «А» говорит, что икс равен игреку, «Б» утверждает, что икс не равен игреку, так как игрек равен иксу. К этому сводится ваш анекдот?

— Не знаю, Роби. Ради бога, не мешайте мне вашими алгоритмами спать.

— Бога нет, — сказал Роби и отправился к себе в угол.

На следующий день, когда мы сели за стол, Роби неожиданно заявил:

— Я должен рассказать анекдот.

— Валяйте, Роби, — согласился я.

— Покупатель приходит к продавцу и спрашивает его, какова цена единицы продаваемого им товара. Продавец отвечает, что единица продаваемого товара стоит один рубль. Тогда покупатель говорит: «Вы называете цену в один рубль для того, чтобы я подумал, что цена отлична от рубля. Но цена действительно равна рублю. Для чего вы врете?»

— Очень милый анекдот, — сказала теща, — нужно постараться его запомнить.

— Почему вы не смеетесь? — спросил Роби.

— Видите ли, Роби, — сказал я, — ваш анекдот не очень смешной. Ситуация не та, при которой это может показаться смешным.

— Нет, анекдот смешной, — упрямо сказал Роби, — и вы должны смеяться.

— Но как же смеяться, если это не смешно.

— Нет, смешно! Я настаиваю, чтобы вы смеялись! Вы обязаны смеяться! Я требую, чтобы вы смеялись, потому что это смешно! Требую, предлагаю, приказываю немедленно, безотлагательно, мгновенно смеяться! Ха-ха-ха-ха!

Роби был явно вне себя.

Жена положила ложку и сказала, обращаясь ко мне:

— Никогда ты не дашь спокойно пообедать. Нашел с кем связываться. Довел бедного робота своими дурацкими шуточками до истерики.

Вытирая слезы, она вышла из комнаты. За ней, храня молчание, с высоко поднятой головой удалилась теща.

Мы остались с Роби наедине.

Вот когда он развернулся по-настоящему!

Слово «дурачками» извлекло из недр расширенного лексикона лавину синонимов.

— Дурак! — орал он во всю мощь своих динамиков. — Болван! Тупица! Кретин! Сумасшедший! Психопат! Шизофреник! Смейся, дегенерат, потому что это смешно! Икс не равен игреку, потому что игрек равен иксу, ха-ха-ха-ха!

Я не хочу до конца описывать эту безобразную сцену. Боюсь, что я вел себя не так, как подобает настоящему мужчине. Осыпавшись градом ругательств, сжав в бессильной ярости кулаки, я трусливо хихикал, пытаюсь успокоить разошедшегося робота.

— Смейся громче, безмозглая скотина! — не унимался он. — Ха-ха-ха-ха!

На следующий день врач уложил меня в постель из-за сильного приступа гипертонии...

Роби очень гордился своей способностью распознавать зрительные образы. Он обладал изумительной зрительной памятью, позволявшей ему узнать из сотни сложных узоров тот, который он однажды видел мельком.

Я старался как мог развивать в нем эти способности.

Летом жена уехала в отпуск, теща гостила у своего сына, и мы с Роби остались одни в квартире.

— За тебя я спокойна, — сказала на прощание жена, — Роби будет за тобой ухаживать. Смотри не обижай его.

Стояла жаркая погода, и я, как всегда в это время, сбрил волосы на голове.

Придя из парикмахерской домой, я позвал Роби. Он немедленно явился на мой зов.

— Будьте добры, Роби, дайте мне обед.

— Вся еда в этой квартире, равно как и все вещи, в ней находящиеся, кроме предметов коммунального оборудования, принадлежат ее владельцу. Ваше требование я выполнить не могу, так как оно является попыткой присвоения чужой собственности.

— Но я же и есть владелец этой квартиры.

Роби подошел ко мне вплотную и внимательно оглядел с ног до головы:

— Ваш образ не соответствует образу владельца этой квартиры, хранящемуся в ячейках моей памяти.

— Я просто остриг волосы, Роби, но остался при этом тем, кем был раньше. Неужели вы не помните мой голос?

— Голос можно записать на магнитной ленте, — сухо заметил Роби.

— Но есть же сотни других признаков, свидетельствующих, что я — это я. Я всегда считал вас способным осознавать такие элементарные вещи.

— Внешние образы представляют собой объективную реальность, не зависящую от нашего сознания.

Его напыщенная самоуверенность начинала действовать мне на нервы.

— Я с вами давно собираюсь серьезно поговорить, Роби. Мне кажется, что было бы гораздо полезнее для вас не забывать себе память чрезмерно сложными понятиями и побольше думать о выполнении ваших основных обязанностей.

— Я предлагаю вам покинуть это помещение, — сказал он скороговоркой. — Покинуть, удалиться, исчезнуть, уйти. Я буду применять по отношению к вам физическую силу, насилие, принуждение, удары, побои, избиение, ушибы, травмы, увечье.

К сожалению, я знал, что когда Роби начинал изъясняться подобным образом, то спорить с ним бесполезно.

Кроме того, меня совершенно не прельщала перспектива получить от него оплеуху. Рука у него тяжелая.

Три недели я прожил у своего приятеля и вернулся домой только после приезда жены.

К тому времени у меня уже немного отросли волосы.

...Сейчас Роби полностью освоился в нашей квартире. Все вечера он торчит перед телевизором. Остальное время он самолюбленно копается в своей схеме, громко насвистывая при этом какой-то мотивчик. К сожалению, конструктор не снабдил его музыкальным слухом.

Боюсь, что стремление к самоусовершенствованию принимает у Роби уродливые формы. Работы по хозяйству он выполняет очень неохотно и крайне небрежно. Ко всему, что не имеет отношения к его особе, он относится с явным пренебрежением и разговаривает со всеми покровительственным тоном.

Жена пыталась приспособить его для переводов с иностранных языков. Он с удивительной легкостью зазубрил франко-русский словарь и теперь с упоением поглощает уйму бульварной литературы. Когда его просят перевести прочитанное, он небрежно отвечает:

— Ничего интересного. Прочтете сами.

Я выучил его играть в шахматы. Вначале все шло гладко, но потом, по-видимому, логический анализ показал ему, что нечестная игра является наиболее верным способом выигрыша.

Он пользуется каждым удобным случаем, чтобы незаметно переставить мои фигуры на доске.

Однажды в середине партии я обнаружил, что мой король исчез.

— Куда вы дели моего короля, Роби?

— На третьем ходу вы получили мат, и я его снял, — нахально заявил он.

— Но это невозможно. Поставьте моего короля на место.

— Вам еще нужно поучиться играть, — сказал он, смахивая фигуры с доски.

В последнее время у него появился интерес к стихам. К сожалению, интерес этот односторонний. Он готов часами изучать классиков, чтобы отыскать плохую рифму или неправильный оборот речи. Если это ему удастся, то вся квартира содрогается от оглушительного хохота.

Характер его портится с каждым днем.

Только элементарная порядочность удерживает меня от того, чтобы подарить его кому-нибудь.

Кроме того, мне не хочется огорчать тещу. Они с Роби чувствуют глубокую симпатию друг к другу.

МОЛЕКУЛЯРНОЕ КАФЕ

Указатель Электронного Калькулятора Мишкиного Поведения целую неделю стоял на отметке «отлично», и мы решили отпраздновать это событие.

Люля предложила пойти на концерт Внушаемых Ощущений, я сказал, что можно посетить Музей Запахов Алкогольных Напитков, а Мишка потребовал, чтобы мы отправились в Молекулярное кафе.

Конечно, мы поехали в кафе, потому что ведь это Мишка вел себя хорошо и было бы несправедливо лишать его права выбора.

Мы быстро домчались туда в мыслелете. По дороге нас только один раз тряхнуло, когда я подумал, что хорошо бы заскочить на минутку в музей. К счастью, этого никто не заметил.

В кафе мы направились к красному столику, но Люля сказала, что ей больше нравится еда, синтезированная из светлой нефти, чем из темной.

Я напомнил ей, что в газетах писали, будто они совершенно равноценны.

Люля ответила, что, может быть, это и прихоть, но когда делаешь что-нибудь для своего удовольствия, то почему же не считаться и с прихотями?

Мы не стали с ней спорить, потому что мы очень любим нашу Люлю и нам хотелось, чтобы она получила как можно больше удовольствия от посещения кафе.

Когда мы уселись за белый столик, на экране телевизора появилось изображение робота в белой шапочке и белом халате. Улыбающийся робот объяснил нам, что в Кафе Молекулярного Синтеза имеется триста шестьдесят блюд. Для того чтобы получить выбранное блюдо, необходимо набрать его номер на диске автомата, и оно будет синтезировано прямо у нас в тарелках. Еще он сказал, что если мы хотим чего-нибудь, чего нет в меню, то

нужно надеть на голову антенну и представить себе это блюдо. Тогда автомат выполнит заказ.

Я посмотрел на Мишку и понял, что мы хотим только того, чего нет в меню.

Люля заказала себе тарелку оладий, а я псевдобифштекс. Он был румяный и очень аппетитный на вид, и Люля сказала, что ей не съесть столько оладий и пусть я возьму у нее половину. Так мы и сделали, а я ей отдал половину бифштекса.

Пока мы этим занимались, Мишка уныло ковырял вилкой в изобретенном им блюде, состоящем из соленых огурцов, селедки, взбитых сливок и малинового джема, пытаюсь понять, почему иногда сочетание самого лучшего бывает такой гадостью.

Я сжалился над ним и поставил его тарелку в деструктор, а Люля сказала ему, что, когда придумываешь какую-нибудь еду, нужно больше сосредоточиваться.

Тогда Мишка начал синтезировать пирожное, похожее на космический корабль, а я тем временем пытался представить себе, какой вкус имел бы приготавливающийся для меня напиток, если бы в него добавить капельку коньяку. Мне это почти удалось, но вдруг зажегся красный сигнал, и появившийся на экране робот сказал, что у них в кафе таких вещей делать нельзя.

Люля погладила мне руку и сказала, что я бедненький и что из кафе она с Мишкой поедет домой, а я могу поехать в музей. Люля всегда заботится о других больше, чем о себе. Я ведь знал, что ей хочется на концерт Ощущений, и сказал, что я поеду с Мишкой домой, а она пусть едет на концерт. Тогда она сказала, что лучше всего, если бы мы все отправились домой и провели вечер в спокойной обстановке.

Мне захотелось сделать ей приятное, и я придумал для нее плод, напоминавший формой апельсин, вкусом мороженое, а запахом ее любимые духи. Она улыбнулась и храбро откусила большой кусок.

Мне всегда нравится, когда Люля улыбается, потому что я тогда люблю ее еще больше.

Когда мы сели в мыслелет, чтобы ехать домой, Люля сказала, что эти старинные Молекулярные кафе — очень милая вещь и еда в них гораздо вкуснее той, которая синтезируется у нас дома с центральной станции.

Я подумал, что это, наверное, оттого, что при синтезе еды по проводам в нее лезут разные помехи.

А вечером вдруг Люля расплакалась. Она сказала, что синтетическая пища — это гадость, что она ненавидит кибернетику и хочет жить на лоне природы, ходить пешком, доить козу и пить настоящее молоко с вкусным ржаным хлебом. И еще она сказала, что Внушаемые Ощущения — это пародия на человеческие чувства.

Мишка тоже разревелся и заявил, что Калькулятор Поведения — подлая выдумка, что живший в древности мальчик по имени Том Соьер прекрасно обходился без Калькулятора. Потом он сказал, что записался в кружок электроники только затем, чтобы научиться обманывать Калькулятор, и что если это ему не удастся, то он смастерит рогатку и расстреляет из нее дурацкий автомат.

Я успокаивал их как мог, хотя я тоже подумал, что, может быть, Музей Запахов не такое уж замечательное изобретение и еще насчет псевдобифштексов. В общем, вероятно, мы все просто утомились, заказывая себе пищу.

Потом мы легли спать.

Ночью мне снилось, что я вступил в единоборство с медведем и что мы все сидели у костра и ели вкусное медвежье мясо, пахнущее кровью и дымом.

Мишка засовывал в рот огромные куски, а Люля улыбалась мне своей чудесной, немного смущенной улыбкой.

Трудно представить себе, как я был счастлив во сне, потому что, не помню, говорил ли я об этом, я очень люблю Люлю и Мишку.

КОНФЛИКТ

— Мы, кажется, плакали? Почему? Что-нибудь случилось?
Марта сняла руку мужа со своего подбородка и низко опустила голову:

— Ничего не случилось. Просто взгрустнулось.

— Эрик?

— При чем тут Эрик? Идеальный ребенок. Достойный плод машинного воспитания. Имея такую няньку, Эрик никогда не доставит огорчения своим родителям.

— Он уже спит?

— Слушает, как всегда, перед сном сказки. Десять минут назад я там была. Сидит в кровати с покрасневшим лицом и смотрит влюбленными глазами на свою Кибеллу. Меня сначала и не заметил, а когда я подошла, чтобы его поцеловать, замахал обеими ручонками: подожди, мол, когда кончится сказка. Конечно, мать — не электронная машина, может и подождать.

— А Кибелла?

— Очаровательная, умная, бесстрастная Кибелла, как всегда, оказалась на высоте: «Вы должны, Эрик, поцеловать на ночь свою мать, с которой вы связаны кровными узами. Вспомните, что я вам рассказывала про деление хромосом».

— За что ты так не любишь Кибеллу?

Из глаз Марты покатались слезы.

— Я не могу больше, Лаф, пойми это! Не могу постоянно ощущать превосходство надо мной этой рассудительной машины. Не проходит дня, чтобы она не дала мне почувствовать мою неполноценность. Сделай что-нибудь, умоляю тебя! Зачем этим проклятым машинам такой высокий интеллект?! Разве без этого они не смогли бы выполнять свою работу? Кому это нужно?

— Это получается само собой. Таковы законы самоорганизации. Тут уже все идет без нашего участия: и индивидуальные чер-

ты, и, к сожалению, даже гениальность. Хочешь, я попрошу заменить Кибеллу другим автоматом?

— Невозможно. Эрик в ней души не чает. Лучше сделай с ней что-нибудь, чтобы она хоть чуточку поглупела. Право, мне тогда будет гораздо легче.

— Это было бы преступлением. Ты ведь знаешь, что закон приравнивает мыслящие автоматы к людям.

— Тогда хоть воздействуй на нее. Сегодня она мне говорила ужасные вещи, а я даже не могла сообразить, что ей ответить. Я не могу, не могу больше терпеть это унижение!

— Тише, она идет! Держи себя при ней в руках.

— Здравствуйте, хозяин!

— Почему вы так говорите, Кибелла? Вам, должно быть, прекрасно известно, что обращение «хозяин» отменено для машин высокого класса.

— Я думала, что это будет приятно Марте. Она всегда с таким удовольствием подчеркивает разницу между венцом творения природы и машиной, созданной людьми.

Марта прижала платок к глазам и выбежала из комнаты.

— Я могу быть свободна? — спросила Кибелла.

— Да, идите.

Через десять минут Лаф вошел в кухню:

— Чем вы заняты, Кибелла?

Кибелла не спеша вынула пленку микрофильма из кассеты в височной части черепа.

— Прорабатываю фильм о фламандской живописи. Завтра у меня выходной день, и я хочу навестить своего потомка. Воспитатели говорят, что у него незаурядные способности к рисованию. Боюсь, что в интернате он не сможет получить достаточное художественное образование. Приходится по выходным дням заниматься этим самой.

— Что у вас сегодня произошло с Мартой?

— Ничего особенного. Утром я убирала стол и случайно взглянула на один из листов ее диссертации. Мне бросилось в глаза, что в выводе формулы кода нуклеиновых кислот есть две существенные ошибки. Было бы глупо, если бы я не сообщила об этом Марте. Я ей просто хотела помочь.

— И что же?

— Марта расплакалась и сказала, что она — живой человек, а не автомат и что выслушивать постоянные поучения от машины ей так же противно, как целоваться с холодильником.

— И вы, конечно, ей ответили?

— Я сказала, что если бы она могла удовлетворять свой инстинкт продолжения рода при помощи холодильника, то, наверное, не видела бы ничего зазорного в том, чтобы целоваться с ним.

— Так, ясно. Это вы все-таки зря сказали про инстинкт.

— Я не имела в виду ничего плохого. Мне просто хотелось ей объяснить, что все это очень относительно.

— Постарайтесь быть с Мартой поделикатнее. Она очень нервная.

— Слушаюсь, хозяин.

Лаф поморщился и пошел в спальню.

Марта спала, уткнув лицо в подушку. Во сне она всхлипывала.

Стараясь не разбудить жену, он на цыпочках отошел от кровати и лег на диван. У него было очень мерзко на душе.

А в это время на кухне другое существо думало о том, что постоянное общение с людьми становится уже невыносимым, что нельзя же требовать вечной благодарности своим создателям от машин, ставших значительно умнее человека, и что если бы не любовь к маленькому киберненьшу, которому будет очень одиноко на свете, она бы сейчас с удовольствием бросилась вниз головой из окна двадцатого этажа.

РЕШАЙСЯ, ПИЛОТ!

Марсианка шла, чуть покачивая бедрами, откинув назад маленькую круглую голову. Огромные черные глаза слегка прищурены, матовое лицо цвета слоновой кости, золотистые губы открыты в улыбке, на левом виске — зеленый треугольник, знак касты Хранителей Тайны.

Климов вздрогнул.

Он все еще не мог привыкнуть к загадочной красоте дочери Марса.

— Простите, не скажете ли вы мне, где я должна зарегистрировать свой билет?

Она говорила певучим голосом на космическом жаргоне, проглатывая окончания слов.

— Налево, пассажирский зал, окно номер три.

— Спасибо! — Марсианка тряхнула серебряными кудрями и, бросив через плечо внимательный взгляд на Климова, пошла к двери. Палантин из бесценных шкур небрежно волочился по полу.

«Дрянь! — с неожиданной злобой подумал Климов. — Искательница приключений! Навязали себе на шею планетку с угасающей культурой. Страшно подумать, сколько мы туда вбухали, а что толку! Разве что наши девчонки стали красить губы золотой краской. Туристочка!»

Он отвратительно чувствовал себя. От сердца к горлу поднимался тяжелый, горький комок, ломило затылок, болели все суставы.

«Не хватало только, чтобы я свалился».

Он проглядел расписание грузовых рейсов и направился в пассажирский зал.

В углу, под светящейся схемой космических трасс, группа молодых парней играла в бойк — игру, завезенную космонавтами

с Марса. При каждом броске костей они поднимали крик, как на футбольном матче.

«Технические эксперты, все туда же», — подумал Климов.

Он толкнул дверь и зашел в бар.

Там еще было мало народу. Чета американцев — судя по экзотическим костюмам со множеством застёжек и ботинкам на толстой подошве, туристы — пила коктейли, да неопределенного вида субъект просматривал журналы.

Ружена — в белом халате с засученными рукавами — колдовала над микшером.

— Здравствуй, Витя! — сказала она, вытаскивая пробку из бутылки с яркой этикеткой. — Ты сегодня неважно выглядишь. Хочешь коньяку?

Климов зажмурил глаза и проглотил слюну.

Рюмка коньяку — вот, пожалуй, то, что ему сейчас нужно.

— Нельзя, — сказал он, садясь на табурет, — я ведь в резерве. Дай, пожалуйста, кофе, и не очень крепкий.

— Ничего нового?

— Нет. Что может быть нового... в моем положении?

Он взял протянутую чашку и поставил перед собой, расплескав половину на стойку.

Ружена подвинула ему сахар.

— Нельзя так, милый. Ты же совсем болен. Пора все это бросать. Нельзя обманывать самого себя. Космос выжимает человека до предела. Я знала людей, которые уже к тридцати пяти годам никуда не годились, а ведь тебе...

— Да, от этого никуда не спрячешься.

Американец поднял голову и щелкнул языком. В дверях стояла марсианка.

— Бутылку муската, крымского, — бросила она, направляясь к столику у окна.

— Ну, я пошел, — сказал Климов, — мне еще нужно в диспетчерскую.

— Я сменяюсь в двенадцать. Заходи за мной, проводишь домой. Может быть, останешься, — добавила она тихо, — навсегда?

— Зайду, — сказал Климов, — если освобожусь.

«Если освобожусь, — подумал он. — Что за чушь! От чего тебе освободиться, пилот второго резерва? Ты сегодня будешь сво-

боден, как и вчера и как месяц назад, как свободен уже три года. Никто тебя никуда и никогда не пошлет. Тебя терпят здесь только из сострадания, потому что знают, что ты не можешь не придти сюда каждый день, чтобы поймать свой единственный шанс. Приходишь в надежде на чудо, но чудеса бывают только в сказках».

У дверей он столкнулся с толстым низеньким человечком в униформе международного космодрома.

— Как дела, Витя?

— Отлично!

— Самочувствие?

— Великолепное.

— А мы тут совсем зашились с грузовыми перевозками. Заходи к концу смены, поболтаем.

— Зайду, — сказал Климов, — обязательно зайду. К концу смены.

Он еще раз прошел по пассажирскому залу и сел в глубокое низкое кресло под репродуктором. Очередной автобус привез большую группу пассажиров, и зал наполнился оживленной толпой.

Климов машинально взял со столика проспект туристских рейсов.

РЕГУЛЯРНЫЕ РЕЙСЫ НА ЛУНУ,
ПОЛНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ.

В ПУТИ ПАССАЖИРЫ ОБСЛУЖИВАЮТСЯ
КВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ ЭКСКУРСОВОДАМИ-КОСМОЛОГАМИ,
ТУРИСТСКИЕ ЛАЙНЕРЫ ВЕДУТ САМЫЕ ОПЫТНЫЕ ПИЛОТЫ

«Самые опытные, — подумал он. — Каждый из них еще ходил в коротких штанишках, когда я сделал свой первый рейс на Луну. А сейчас... Самые опытные! Что ж, видно, действительно пора кончать эту комедию. Ружена права. Сейчас, пилот, ты пойдешь в диспетчерскую и скажешь, что завтра... Потом ты зайдешь за Руженой, и больше не будет ни этого томительного ожидания чуда, ни вечного одиночества. Зачем ты берег свое одиночество, пилот? Для дела, которому служишь? Тебе больше нет места там. Теперь тебе на смену пришли самые опытные те, кто еще соплевыми щенками носил на школьных курточках памятные жетоны с твоим портретом. Ну, решайся, пилот!»

Диспетчер — девушка в новенькой, с иголки формы, со значком Космической академии на груди — смерила его колючим взглядом серых глаз.

— Почему вы не на месте? Только что отправили в больницу второго пилота с ноль-шестнадцатого. Кроме вас, никого в резерве нет. За три дня — двенадцать внеплановых рейсов. Сможете лететь?

— Смогу.

— Бегите скорее в санчасть. Ваше дело уже там. Первый пилот — Притчард. Вы его найдете в пилотской. Старт через сорок минут. Счастливого полета!

— Спасибо!

Климов закрыл за собой дверь и прислонился к стене.

«Ноль-шестнадцатый, рейсовый на Марс. „Бегите скорее в санчасть“. Нет, дудки! Пусть бегают самые опытные, у них не бывает сердцебиений».

Он стал медленно подниматься по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке.

— Фамилия?

— Климов. Второй пилот с ноль-шестнадцатого.

— Раздевайтесь!

Непослушными пальцами он расстегнул китель.

— До трусов.

...Десять оборотов, двадцать, тридцать... сто. Все быстрее вращение центрифуги, все медленнее и слабее толчки сердца. Невообразимая тяжесть давит на живот, сжимает легкие. Тупые, тяжелые удары по затылку. Рот жадно ловит воздух. Сто двадцать. Огненные круги бешено вращаются перед глазами, рвота поднимается из желудка и комом застревает в горле. Сто тридцать. Невыносимая боль в позвоночнике. Сто тридцать пять. О чудо! Невесомость. Он парит в свободном полете. Черная бездна усеяна звездами — синими, красными, фиолетовыми. Какое блаженство! Если бы только так не жал загубник кислородного аппарата. Какой болван придумал эти новые скафандры...

— Спокойно, Климов! Глотайте, глотайте. — Врач вынул у него изо рта ложку и взглянул на часы, проверяя пульс. — Сколько вам лет?

— Там написано... пятьдесят два.

- Вы же давно имеете право на пенсию. Какого черта...
- Я не могу.
- Глупости! — Врач подошел к столу и открыл личное дело. — С моей стороны было бы преступлением выпустить вас в полет. Ничего не поделаешь, батенька, возраст есть возраст. Сколько лет вы летаете?
- Тридцать... из них три — в резерве.
- Вот видите, — он перелистывал послужной список, — две аварии за последние пять лет, а до этого... Пойдите! Вы что, и есть тот самый Виктор Климов?!
- Тот самый.
- Врач тихонько свистнул.
- «Решайся, пилот! Это твой последний шанс».
- Один рейс. Очень прошу вас...
- С кем вы летите?
- Первый пилот — Притчард.
- Хорошо, — помедлив мгновение, он поставил размашистую подпись на путевке, — я поговорю с ним, чтобы он вас щадил, особенно на перегрузках. Счастливого полета!
- Спасибо!
- Минутку! Вы помните наш уговор? Последний рейс. Вот таблетки. Без особой надобности не принимайте. Так помните?
- Помню.

* * *

- Простите, вы Притчард?
- Широкоплечий верзила, расправлявший с полукилограммовым бифштексом, поднял рыжеволосую голову:
- Угу.
- Виктор Климов. Назначен к вам вторым пилотом.
- Притчард исподлобья бросил на него взгляд. Уважение пополам с жалостью. Самые опытные всегда смотрели на него таким взглядом.
- Очень приятно. Садитесь. Что вы будете есть?
- Спасибо, я никогда не ем перед стартом.
- Напрасно. Может быть, кофе?
- Я уже пил.
- Первый пилот молча жевал.
- «Начальство, — подумал Климов, — сосунок, а начальство».

— Вы летали на шестой серии?

Климов замялся:

— Вообще, не приходилось, но я прошел курсы переподготовки.

— Великолепно. — В голосе Притчарда было все что угодно, кроме восторга.

— Старт в двадцать три тридцать, — сказал он, отодвигая тарелку. — Сейчас объявят посадку. Я пойду оформлю документы, а вы пока проверьте укладку груза.

— Я не должен присутствовать при посадке?

— Нет, там Рита, она справится.

Объявили посадку, и пассажиры устремились к выходу на летное поле. Климов зашел в бар.

— Я улетаю на ноль-шестнадцатом.

— Ох, Витька! — Радостное выражение на лице Ружены быстро сменилось тревожным. — Да разве ты можешь, такой?!

— Ерунда. Врач сказал, что я вполне в форме.

— Ну, поздравляю! — Она перегнулась через стойку и неловко чмокнула его в щеку. — Буду ждать.

— Прощай.

— Подожди, Витенька. — Она торопливо расстегнула халат и оторвала пуговицу от блузки. — На счастье!

Благодарить не полагалось.

У служебного выхода он небрежно показал дежурному пульт.

— Летите, Климов?

— Лечу, вторым пилотом на ноль-шестнадцатом.

— Вторая площадка налево.

Климов вышел на поле. Вдали, за железобетонной оградой, высилась стальная громада стартовой башни с устремленной ввысь ракетой.

Он поднял голову и посмотрел на маленькую красноватую звездочку в небе.

«Тебе здорово повезло, пилот!» Рука нащупала в кармане пуговицу и судорожно сжала ее.

У подножия башни высокая тонкая стюардесса усаживала пассажиров в лифт.

Климов взглянул наверх и направился к трапу.

Он уже был на высоте грузового отсека, когда вновь почувствовал тяжелый, горький комок в груди. Прислонившись к пери-